

Ольга Рожанская

**Избранные
стихотворения**

Ольга Владимировна Рожанская

Избранные стихи

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55588051

Избранные стихи: Пробел-2000; М.; 2017

ISBN 978-5-98604-638-9

Аннотация

Настоящий сборник ни в коем случае не является отданием долга Ольге Рожанской (1951-2009), – скорее мы пытаемся отдать долг читателю, несправедливо лишенному до сих пор Ольгиных стихов, и положить начало исправлению такой нелепой несправедливости.

Содержание

Отзывы	6
От составителей	8
Предисловие	11
Из книги «Стихи по-русски»	16
«Оттого, что жила я счастливо...»	17
Февраль	18
«Воистину, в стране моей...»	20
«А ты думал – в России луга да снега...»	21
«Не вовремя снега в России тают...»	22
«Сошли меня, Отче, из этого края...»	23
«В Москве стоит полупогода...»	24
Шотландская песня	25
«В страданьи – зла, а в счастии – скучна...»	27
Март	28
«Сыр Ниневия месит...»	29
А. Я.	30
«Мне шел тогда шестнадцатый...»	32
«Нас учил философ вдохновенный...»	35
«Пахарь простой идет за плугом...»	36
Болгарская песня	37
«По пристани приволжской гуляют господа...»	38
«В прощанье, даже с самым дорогим...»	39

**Ольга Владимировна
Рожанская
Избранные стихи**

© Рожанская О., 2017

© Казило А., 2017

© “Пробел-2000”, 2017

ОТЗЫВЫ

Стихи Рожанской настолько злы, язвительны, лаконичны и точны, настолько исчерпывающе резюмируют “роковые проблемы русской интеллигенции”, что давно должны были разойтись на цитаты, подобно “Горю от ума”.

Кирилл Анкудинов, 2002 г.

Есть поэты, которым я откровенно завидую... эта зависть смешана с радостью – и более того, радость, пожалуй, преобладает... Ольга Рожанская – поэт одновременно глубокий и легкомысленный. Драгоценное сочетание!

Бахыт Кенжеев – из предисловия к настоящему сборнику

Едва ли не у каждого поэта есть стихи о собственной смерти, но даются они лишь очень немногим. Это проба на подлинность, и по ним можно судить о поэте безошибочно...

Анатолий Гелескул – “Стихи по вертикали”, 8 декабря 2011 г.

Уход Ольги Рожанской подтвердил истину, подмеченную еще Ахматовой: “Когда человек умирает, /Изменяются его портреты”. Не только портреты, – если это поэт, изменяется и тембр его поэтической речи, и качество стихотворений. Смерть делает их лучше. Или нас зорче?

Чудо поэзии Ольги еще и в том, что самое последнее ее стихотворение – о Пасхе и встрече с Богом, а каждое второе о смерти, которая неизменно торжество и краса. “Чудеса! Говорят по-японски леса. Все собрались на тризну языки. Понимай так, что время вскрывать каравай. Это пир погребальный, великий”.

Майя Кучерская – “Я жива”, Ведомости, 2014 г. про книгу “Элизий Земной”

От составителей

Уже более восьми лет прошло с гибели Ольги Владимировны Рожанской, а ее стихи, которые по точному замечанию Кирилла Анкудинова, сделанному еще в 2002 году, давно должны были разойтись на цитаты, как “Горе от ума”, и сегодня остаются практически неизвестными читателю. Мы не будем здесь вникать в причины этой нелепой и досадной ситуации, заметим только, что цель настоящего сборника – положить начало ее исправлению.

Ольга Рожанская (1951–2009) – человек огромных и разнообразных талантов – довольно рано осознала сочинение стихов, как дело жизни, может быть не единственное, но крайне важное. Стихи она не записывала, – держала в уме, читала при любой возможности близким, знакомым и незнакомым, доводя и обкатывая их; добившись желанного результата, записывала первую строчку или название в записную книжку. Имеющимся четверем книжкам Ольги мы обязаны подвигу Андрея Толмачева, который приходил, заставлял ее диктовать стихи, записывал, составлял сборники, сверял их, издавал, с участием некоторых ее друзей. Невозможно выразить размер нашей ему благодарности.

Стихи Ольги необычны прежде всего ее авторской позицией: про что бы она ни писала, ее стихи всегда о смерти, бессмертии и Воскресении. Это особенно очевидно в состав-

ленной в последний год жизни, но изданной посмертно книге: “Элизий земной”, где само название отсылает к последним стихам Баратынского, то есть к теме собственной смерти, а сами стихи – о победе над ней; но, если присмотреться, то же можно увидеть и в более ранних ее стихах. Несколько другими словами: все ее стихи о дороге, – дороге из Рима, – Первого? Третьего? – в небесный Иерусалим. Мы видим, что реалии, описанные в ее стихах, находятся в Риме (“Смерти нет, но бывают проскрипции”), но слышим об этом от человека уже явно вышедшего на дорогу. Эта Ольгина позиция сегодня, после нескольких десятилетий угара “обустройства” родного Рима, представляется нам актуальной, как никогда, и это – одна из причин, по которым мы думаем, что Ольгины стихи необходимы современникам как раз сейчас.

Тут хочется еще раз подчеркнуть, что настоящий сборник ни в коем случае не является отдаванием долга Ольге, – скорее мы пытаемся отдать долг читателю, несправедливо лишенному до сих пор Ольгиных стихов.

Кроме благодарности Андрею Толмачеву мы рады принести благодарность Бахыту Кенжееву. Он не только написал предисловие, но и прочел Ольгины стихи и серьезно их воспринял, – потому и предисловие написал; а для поэта, тем более активного, это – подвиг. Более того, он напоминал и торопил с изданием, чем его ускорил. Хочется поблагодарить Юлию Ефимову, сверставшую эту книгу, – она взялась за дело серьезно и устремленно, чем и других подтолкнула.

Благодарим также издательство “Пробел-2000” и, особенно, Алексея Плигина за четкость, эффективность и доброжелательность.

Предисловие

Есть поэты, которым я откровенно завидую. Вот вроде положил жизнь на служение музам: биография сложилась довольно дурацкая, правила служения соблюдал, лирой не торговал, учил классиков, занимался самообразованием, катался по свету, как сумасшедший, заработал себе определенную репутацию. Все путем. Однако регулярно убеждаешься в наличии, как бы выразиться, коллег, которые что-то умеют делать так, как тебе и не снилось. Ну ладно, какой-нибудь Баратынский или Вагинов. Они как бы давно на Олимпе. Но и среди (условно) современников такие попадаются. Впрочем, эта зависть смешана с радостью – и более того, радость, пожалуй, преобладает.

Ольга Рожанская – поэт одновременно глубокий и легкомысленный. Драгоценное сочетание! В ее творческом развитии можно усмотреть историю духовного переселения из брежневской России

“Не вовремя снега в России тают,
И по утрам права качает стыд,
И бес изгнания шалит,
А без него в России не светает.”

в пространство мировой культуры. Нет, отечеству она не

изменила – скорее встроила не слишком благополучную родину (и ее главное сокровище – язык) в новую Вселенную, приобщила его к своей домашней метафизике (не люблю этого слова, но что поделать), к обживанию времени как пространства. С точки зрения логики – бессмысленная задача. Но зачем еще нужна высокая поэзия, как не для борьбы с логикой? И вот мой соотечественник и современник, то есть не чуждый вольнодумства советский человек, просыпается на мировом ветру, в невесть каком веке, и на нынешнем – вполне живом – русском языке старается выразить свою причастность к времени, которое ощущает родным, даже если речь об ассирийской, библейской, греческой или иной давней истории.

Когда-нибудь “времени больше не будет” – а для нашего поэта его существование вообще сомнительно. Все времена имеют равное право на сегодняшнее живое существование. Мир целен, живущие не более правы, чем ушедшие. Иной раз поэт умышленно и подчеркнуто отрицает “насущность” (например, “обжит” у нее не космос, как полагалось бы в XX или XXI веке, а “моря”, что удивляло людей поколений так 40 назад, да и какая, прости Господи, “шкура жертвенной козы” может быть в нашу передовую эпоху!). Критики уже отмечали, что стихи Рожанской – в значительной мере суть реализация мандельштамовской “тоски по мировой культуре”. К этой культуре, нашему общему достоянию, можно относиться как к музею, где выставлено множество

чучел, да щеголять своей просвещенностью, ссылаясь на ее достижения. Дело нехитрое. Труднее жить в этой культуре и осваивать ее, даже – не побоюсь этого слова – воскрешать.

Действительно, время беспощадно не только к смертным, но и к их прозрениям. Через считанное количество поколений история и произведения искусства ветшают и покрываются патиной. Бросить на них луч современного тебе света, перевести их на язык живых – нелегкий, но благодарный труд, удающийся немногим. А рецепт обманчиво прост (так Микельанджело, кажется, отшучивался от поклонников, уверяя, что для своих скульптур всего лишь “отсекает от мрамора всё лишнее”). Надо всего лишь чувствовать себя в мировой культуре как дома, чтоб библейская “смоква” естественно стояла рядом с кавказской “мушмулой”. Впрочем, этого, конечно, недостаточно, ибо поэзия больше своих составных частей. К тому, что создано твоими предшественниками, необходимо что-то добавить свое. Простым повтором готового (пусть и переведенным на современный язык) тут не обойдешься, иначе получатся неживые “антологические” стихи. Мне кажется, что Рожанская блестяще выполняет эту задачу, смешивая фольклорные интонации с церковнославянскими, интеллигентское просторечие с трагическим пафосом. Используя цитату (в широком смысле), как строительный материал, она возводит из него собственное здание мира, схожего с храмом, прихотливо складывая отдельные кирпичики прежних смыслов и перемежая их смыс-

лами новыми.

“Когда над скинией Закона
Просела талая земля,
Миндальный посох Аарона
Процвёл, губами шевеля.”

Оптика сдвигается. Время исчезает, будто его нет и не было. Кстати, пристальный взгляд заметит в этих строках и экологу памяти Мандельштама (“миндального дерева”), который “лежит в земле, губами шевеля”.

Итак, пировать с предшественниками, как с приятелями, живущими по соседству, создавать на основе их языка свой собственный.

Есть и третье слагаемое в этих замечательных стихах: не слушаться здравого смысла, не верить дежурным истинам – но приглядываться к ним в поисках внутренних противоречий.

“Как детская пьеска на двух обнажённых
Мы сыграны нотках. Да только не нам
у Автора клянчить концовки мажорной;
И жалость к живущим на шее, как жёрнов,
И тьма мирозданья валит по пятам.”

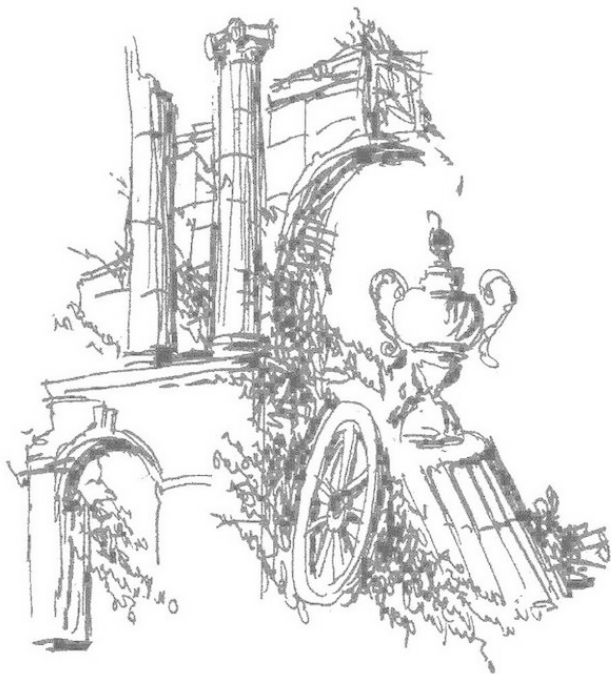
Рожанская верит в Бога не меньше (но и не больше), чем Тютчев или Достоевский – неплохая компания. Вера и

смерть, красота и страдание, отчаяние и восторг – непримиримые, но сосуществующие полюса ее вселенной, между которыми и возникает силовое поле и электрический разряд того, что называется подлинной поэзией.

Бахыт Кенжеев

25.10.2015

Из книги «Стихи по-русски»

«Оттого, что жила я счастливо...»

Оттого, что жила я счастливо
И земных не знавала цепей,
Королева растений, Крапива,
Зацветет на могиле моей.

Всех оттенков зеленого цвета,
Словно девка на выданье, зла –
Это загодя варится лето,
Так, что пена бежит из котла.

Распахни на рассвете калитку,
И гостей назови полон дом,
И наполни зеленым палитру,
А стаканы наполни вином.

Потому, что за легкий характер
И за легкую жизнь на земле,
Подарили мне тысячу братьев
И сестер на крапивном стебле.

И над каждым весенним оврагом,
Где цветет она, глядя на юг,
Распивают зеленую брагу
За зеленую память мою.

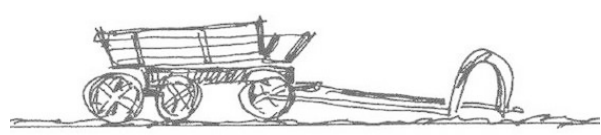
Февраль

Где в трех соснах кружил Улисс,
Февраль гоняет снежных лис,
И в небе, белом от шутих,
Он делит пряжу на двоих:
Зиме – моток, весне – моток.
Любовь и воздуха глоток.

И мы, подняв воротники,
Земли и неба должники,
Роняем тени в водоем,
Любовь движеньем выдаем,
Счастливы, молоды, вдвоем.

А потому, что, франт и враль,
Гуляет висельник-февраль
И поднимает свой бокал
За тех, кто в мире не устал.

Ж з н
н к
м о а
р л
н у
н

«Воистину, в стране моей...»

Воистину, в стране моей
Есть, где двум птахам разминуться,
Из с лишним двадцати морей
Напитаться, козликком проснуться,
И можно с ближним не столкнуться,
Идя по жердочке своей...

«А ты думал – в России луга да снега...»

Г. С.

А ты думал – в России луга да снега,
И раздолье у нас петухам да стихам.
А в России лафа палачам да грехам,
И теплынь на дворе, да под сердцем пурга.

У нас души, как иней, чисты до поры,
До поры, до звезды, до скончания дня,
А как солнце зайдет, запоют топоры,
Неповинные кудри к земле наклона.

Мы кукушкины дети в сорочьем доме,
Нам сиротской печати с чела не умыть,
Но в вишневом саду и в кабацком дыму
Научились любить свою бедную мать.

Яко зрел на земле нищету и войну,
Яко нас полюбил, дураков и ворьё,
Ты помилуй дурацкую эту страну,
Помяни её, Боже, во Царстве Твоём!

(Гарику Суперфину)

«Не вовремя снега в России тают...»

Не вовремя снега в России тают,
И по утрам права качает стыд,
И бес изгнания шалит,
А без него в России не светает.

И я поеду обронить платок
И у Смоленки попросить прощенья,
Где царь просыпал между вод песок
И посадил чугунные растенья.

А Петербург, как вечно, белокур
И знает, как сводить с ума поэтов,
Ты без меня прости ему за это
О киверах недобрую тоску.

Ни ветки здесь, ни камни, ни дома
Моей кончины скорбью не отметят,
Санкт-Петербург, любимая тюрьма,
Куда ты дел последних три столетья?

И оттого Эвтерпе баловать
Среди мостов. Поберегись, прохожий!
И голос есть. Но помоги мне, Боже,
К Антихристу Россию ревновать.

«Сошли меня, Отче, из этого края...»

Сошли меня, Отче, из этого края.
Я здесь на земле ничего не люблю,
А только в метро пустоту занимаю
И едкую дурь на погоду валю.

Собак без фамилий и честной породы
Я всех всё равно не могу подобрать.
А Гейне по-русски в таких переводах,
Что мне при Тебе неудобно сказать.

А в города Лимба туманном предместье,
С ореховой удочкой, в теплой траве,
Я вечность – и дольше! – была бы на месте,
И даже открыток не слала б Москве.

На корточках сидя, беспечно и вечно
Удила бы месяц, не смея войти
Туда, где под матовым шаром аптечным
Вергилия с Блоком скрестились пути.

«В Москве стоит полупогода...»

В Москве стоит полупогода.
У человека и у года
Совместный насморк. Оттого,
Что мир един. Пером природа
Нанесена на ничего.
И каждой ветки каждый жест
Прекрасно виден, ergo est.

Шотландская песня

Н. А.

– Ты спятил, Джек!
Иди домой.
Давно все в замке спят.
Никто в Британии в час ночной
Не продает цыплят.

– Я всех, графиня, продал кур
И, было, шел домой,
Но возле мостика Амур
Настиг меня стрелой.

– Смотри, узнает старый граф,
Дойдет своим умом,
Кто бродит, голову задрав,
Под замковым окном.

– Тогда, графиня, я возьму
Суму и пестрый плед,
Пойду искать себе страну,
В которой женщин нет.

А под окошком до зари
Пусть бродит старый граф,

Который, что ни говори,
Имеет больше прав.

(Нелле Александровне Житомирской)

«В страданыи – зла, а в счастьяи – скучна...»

В страданыи – зла, а в счастьяи – скучна,
Могу соединить со смыслом звуки,
И мелкие, как сыпь, предстанут муки –
Как сталь, как соль, как Стиксова волна.

Высокой боли нету у души.
Поверь – единой нет! – одни уроды.
До дна срамны, от нас тошнит природу,
Зачем же песни наши хороши.

1973 или 1974

Март

А. Я.

Люблю начала и концы
Поэм, времен – пусть даже года,
Легка бесцветная свобода,
И боль возведена в принцип.
Мне больно, ergo я живу.
Как захочу – так назову
Перед собою переулки.
С лотков Германией пахнут булки,
Уходит время из-под ног,
И на углу идет кино.
Когда всё тает, друг мой милый,
И нас по жизни гонит страсть,
То нет ни времени, ни силы
Её измерить и назвать.
Когда-нибудь из горней тьмы
Нам скажут, что любили мы.

(Анатолию Яacobсону)

«Сыр Ниневия месит...»

Д. Р.

*Мне ли не пожалеть Ниневии,
города великого?*

Сыр Ниневия месит
И новых ягнят купает,
Белеет в ночи известкой
И жиром бараньим тает.
Жирны её менялы,
Брови сурьмят её девы,
И не могут руки правой
Они отличить от левой.

А ты пожалел растение! –
Господь говорит Ионе.
– А мне без тебя зачали
Мальчика в царском доме
И девочку – на соломе.

А. Я.

I

Я знаю, ты еще живой,
Поскольку говоришь со мной,
А мёртвые не имут речи.
Что в землю лёг в чужом краю –
Твою манеру узнаю,
И пью за дух противоречья.

Когда простят тебе твой грех,
Приди спасти меня от тех.
(Тут есть, кому меня обидеть.)
Ко мне Вергилия не шли –
Я ад узнала на земли,
А рая мне вовек не видеть.

сентябрь 1978 г.

II

До смерти.

До раздранья здешних пут.
А после смерти – глубже и прочнее.
Договорим. Предполагать я смею,
Что нас теперь уж больше не прервут.

Гляди, как просто! Смертная тоска –
Она на то и смертная, что смертна
Нас достают, как письма из конверта –
Два вкривь и вкось исписанных листка.

июнь 1989 г. (Анатолию Якобсону)

«Мне шел тогда шестнадцатый...»

I

Мне шел тогда шестнадцатый.
В Москве. Как будто вечно чьи-то именины.
На кухнях гул: Читали? – Ну, конечно!
И виселицей на полях “Полтавы”
Лицейский пир ещё не омрачен.
Как он бы нам теперь казался жалок!
Ещё была Ахматова жива,
И пел Булат о двориках арбатских...

II

Взлетели цены. Началось безумье
Специальных школ, лечебных голоданий,
Подсвечников со львами и тарелок,
Парящих над Театром на Таганке.

Великий Чаплин шёл в “Иллюзионе”,
С сеанса выйдешь – глядь, а век-то – новый!
Мы вундеркинды; мы его экстерном
В полвека проскочили – с баррикад
До декаданса.

В довоенном френче
Тень императора являлась в электричках,
И многие бежали за три моря...

1979

«Нас учил философ вдохновенный...»

Нас учил философ вдохновенный
Истине, сверкающей, как солнце.
– Холодно козлику в тумане!
Страшно молодому под звездами!

Изучай геометрию, мальчик!
Слышишь, как поют, вращаясь, сферы?
(Холодно козлику в тумане!
Страшно молодому под звездами!)

А иные погибли за свободу.
Имена их вовеки будут славны.
Холодно козлику в тумане!
Страшно молодому под звездами...

«Пахарь простой идет за плугом...»

Пахарь простой идет за плугом,
И граф Лев Толстой идет за плугом,
Солнце идет по кругу.

Пахарь лицо утирает локтем,
Пахнет от пахаря потом и дёгтем,
И граф лицо утирает локтем,
И солнце лицо утирает локтем
И потом пахнет.

Пахарь ногами мыслете пишет,
Граф для народа рассказы пишет,
Солнце всё пашет.

Болгарская песня

Сижу в тюрьме турецкой,
А на дворе звонят.
Вчера Христос-Спаситель
За нас спустился в ад.

На Пасху, у Николы,
Кулич мой освящён.
В нем маленький напильник
Умело запечен.

Зайдет луна за башню,
И крикнет друг совой,
За внешними дверями
Сменится часовой.

А новый – помоложе –
С такого будет прок!
Он вспомнит про девчонку,
Забудет про курок.

Ей-Богу, жаль мальчишку!
Хотя и чертов прах.
В Отданье панихиду.
Споет по нём монах.

«По пристани приволжской гуляют господа...»

По пристани приволжской гуляют господа
В жилетках полосатых, без всякого стыда.
Для музыки машину заводит половой,
Фарфоровый китаец кивает головой.

Давно все это было, крапивой поросло,
На паре прикатило, и паром унесло.
Вот шельма англичанин, в печёнки его мать!
Ещё и на японской придётся умирать...

«В прощанье, даже с самым дорогим...»

В прощанье, даже с самым дорогим,
Освобожденья бродит свежий солод.
И глупый дух, как Фауст, дважды молод,
О прошлом плачет, будущим томим.

В любом “прости!” звучит еще “пусти!”,
И жажда обновления иллюзий
Нам ржавые души вскрывает шлюзы –
Чтоб дальше жить и многое вместить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.